

Глава 1

В шесть утра резко и отрывисто прозвучали удары в дверь нашего барака.

— Подъем! — закричал дневальный, первым занимая очередь к параше.

Зэки, кряхтя и сплевывая на пол, посыпались со шконок. Солнце едва-едва показало свой краешек в зарешеченном окне. На небе не было ни облачка — день обещал быть жарким.

— Смотри, опять рюхаются¹. — Пятно кивнул в сторону «политического» угла. Там у нас жили «зеленые братья». Десяток хохлов и прибалтов из УПА, Движения борьбы за свободу Литвы и прочих воинов свободы, которые досиживали свое по 58-й статье.

— Когти тебе надо рвать, Сапер, или выламываться из лагеря, — сверху спрыгнул Босой, принялся наматывать портянки. — Замочат. Зуб даю, посадят на пику.

Пятно и Босой были моими соседями по шконке. Первый имел большое коричневое пятно на лысой голове, за это и окрестили. Второй вор

¹*Рюхаться* — договариваться о криминальном деле на тюремном жаргоне.

носил фамилию Босотов. Тут уж сам бог велел ему стать Босым или Босотой. Последнюю кличку худой, жилистый мужик не любил, сразу лез в драку. Махался он не очень умело, но активно — размазывая кровавые сопли, поднимался с пола, любил использовать грязные приемы.

Я перехватил взгляд Петлюры из «зеленого» угла. Бородатый, квадратный мужик со шрамом через весь лоб провел ногтем большого пальца по шее. Упашники вокруг засмеялись.

— Возьми на себя какое-нибудь дело, — продолжал бубнить Босой. — Отведут в оперчасть, а там ушлют на следствие в райцентр. Или больным скажись...

Из барака вышли двое. Помбригадира потопал к хлеборезам — следить, чтобы те нарезали честно пайки. Бригадир пошел в штабной барак за разнарядкой. Две последние недели мы валили деревья в густом лесу Львовщины — тут начали строить какой-то секретный объект. Обнесли два гектара колючкой, нагнали военных. Кум ходил по лагерю запуганный — по его душу приезжали из Москвы проверяющие. Никаких посылок, писем из дома — эки жили в полной изоляции.

— Ушлют вперед ногами, — хмыкнул Пятно, натягивая робу.

— Харэ базарить, — оборвал я уголовников, разминая шею. Стычка с торпедами Петлюры могла начаться прямо у параша. Но не началась. Я спокойно оправился, умылся.

У параша уже ругались оба дневальных — кому выносить дерьмо. В барак заглянул Казах.

— Пэ — трэнадцать-трэнадцать, — увидев меня, скомандовал надзиратель. — На выход.

— С вещами или....

Я уставился в узкие глаза Казаха. На его безволосом лице не было ни тени эмоций.

— Или...

Мы прошли мимо высокого забора БУРа¹, миновали больничку. Как оказалось, Босой накаркал. Вели меня через весь лагерь в оперчасть.

Без задержки повели сразу в кабинет к куму.

— Осужденный Пэ тысяча триста тринадцатый, — начал представляться я, но меня тут же прервали.

— Садитесь, Петр Григорьевич, — молодой мордатый начальник оперчасти кивнул Казаху на дверь. — Подожди в коридоре.

Надзиратель вышел, я сел на колченогий стул, что стоял у рабочего стола опера. Звали его Подгорным Евгением Степановичем, служил он у нас всего полгода в звании капитана. Трижды мы имели с ним продолжительные беседы, в ходе которых однофамилец известного чиновника из ЦК КПСС настойчиво предлагал мне стучать на сидельцев барака. В первую очередь его интересовали политические.

— Поймите, Петр Григорьевич, — объяснял мне Подгорный. — Эк вы авторитетный. Не в смысле вор — этих у меня полная картотека, а в том смысле, что уважаемый человек. Все на зоне знают вашу историю, ваши подвиги на фронте и где-то даже сочувствуют. Доверяют вам свои тайны.

¹БУР — барак усиленного режима.

— Стучать не буду, — сразу отказался я.

— А стучать и не надо. Надо информировать. И только о самых важных делах. Мелочи меня не интересуют. Например, о подготовке побега. Ведь если уйдут в леса политические, худо будет всем! Стукачей у меня полно, а вот правильных, толковых людей мало!

Кум мягко стелил, заходил с разных направлений. Обещал послабление режима, похлопотать об амнистии.

Я на это лишь криво улыбался. Подгорный листал мое личное дело, притворно качал головой, зачитывая приговор, в котором меня лишили всех воинских наград:

— И этот вопрос порешаем. Сейчас активно идет реабилитация заключенных.

— Ко мне это не относится, я же не репрессированное лицо.

В тот раз надавить на меня Подгорному не удалось. Не верь, не бойся, не проси — старое арестантское правило служило уже многим поколениям зэков. Но сейчас все повернулось иначе.

— Не передумали, Петр Григорьевич? — широко улыбнулся мне кум, запирая сейф. Над ним висел портрет Хрущева, справа от него поблескивал очками Дзержинский, слева хмурился Ленин.

— Я этих гнид на фронте не боялся, а уж сейчас подавно.

— А я слышал, что у вас конфликт случился с Петлюрой. Да и такой, что теперь вам в одном бараке не ужиться...

Гнида мордатая! Наверняка он и слил Петлюре мое участие в «Большой блокаде» в составе войск Львовского округа. Нас тогда придавали на усиление подразделениям НКВД — гоняли «лесных братьев» по всей Западной Украине. А самой операцией — я посмотрел на бабье лицо на портрете — руководил как раз Хрущев.

Я откинулся на стуле, закрыл глаза.

— Именем Украинской Советской Социалистической... — бубнящей скороговоркой трещал судья. Можно было не слушать, что он там рассказывает — слово в слово повторяет прокурорских. Только одна из народных заседателей, лет пятидесяти, полноватая русоволосая женщина в нелепой блузке со странным, будто перекошенным воротником, почему-то мялась и время от времени смотрела на меня непонятно. Не посмотрелась за время суда, что ли?

— ...к пятнадцати годам лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовой колонии строгого режима, — наконец закончил судья.

Я с облегчением вздохнул: за время чтения приговора ноги немного затекли. Молоденький милиционер, стоявший рядом со мной, почему-то очень нервничал при любом моем движении, даже когда я просто переступал с ноги на ногу, и хватался за кобуру пистолета. Наверное, боялся, что я сейчас кого-нибудь разорву и съем. Его, например. Так что стоял я не шевелясь, а то вдруг паре-

нек с перепугу доберется до пистолета и начнет стрелять куда получится. Случайный рикошет — и мне светит вышка.

Народная заседательница, оказывается, ждала конца чтения приговора, чтобы тихо, когда меня уже выводили, задать свой вопрос:

— Как же так, Петр Григорьевич, как вы могли? Вы же фронтовик, всю войну прошли...

— Да я, дорогая моя, эту гниду сколько раз нашел бы, столько и задавил. Потому как раз, что фронтовик.

Я очнулся от воспоминаний, посмотрел на Подгорного.

— Погоны не жмут, капитан?

— *Что?!!*

— Я говорю, кто ты такой мне предлагать такое? Я до Берлина дошел! Дважды ранен был! Смерти в глаза смотрел — как в твои пороссячи зенки.

Капитан покраснел, подскочил, уже даже рот раскрыл, потом внезапно успокоился, криво улыбнулся:

— Ну, ты сам выбрал свою судьбу, Громов. Эй, надзиратель! Обратнo в барак его!

Зашел Казах, мрачно произнес:

— Руки за спэну.

Я заложил руки, и мы пошли обратно. Солнце уже наполовину вылезло, вокруг пели птички, летали бабочки. Так не хотелось умирать...

— Эх, зря ты, Пэ тринадцаты, злил капитана, — вздохнул за спиной Казах. — Погибнешь тэпэрь.

— Иншааллах, — на автомате произнес я.

— Э-э... Ты арабски знаешь? — удивился надзиратель.

— Да нет, был у нас в роте один мусульманин, чеченец, так он постоянно повторял. Как начнут немцы бомбить, так сразу: «На все воля Аллаха».

— Сам-то в Бога веришь?

— В судьбу верю, — буркнул я, ускоряя шаг.

Казах повел меня не к бараку, а прямо к столовой, где уже, к моему удивлению, очереди на входе не было. Заходи и ешь. Я благодарно кивнул ему, поднялся на крыльцо.

Наш отряд был уже внутри, ээки сидели за тремя длинными столами, стучали ложками. Пробираясь через тесноту, от каждой бригады по три арестанта носили на деревянных подносах миски. Обрато уносили пустую посуду. Рядом ошивались «черти» — любители вылизать остатки. Кормили в лагере голодно, едва-едва давали норму, да и ту разворовывали.

Бандеровцы сидели на краю стола, нагло пялились на меня, ухмыляясь. Босой оставил мне место, и даже не тронутая каша стояла на своем месте.

— Пятно слышал, что ночью тебя убивать будут, — зашептал мне вор на ухо. — Уже и заточки из тайников перетащили в барак.

Я скрипнул зубами, вытащил ложку из сапога, принялся есть застывшую кашу. Босой вытащил из-за пазухи мою пайку. Живем! Или нет?

Вывели из зоны быстро, будто подгонял кто. То топтались перед стаканом по полчаса, пока конвой разродится, а сегодня не успели подойти, как уже и ворота открыли, и собачка рычит, слюни роняет. Знаю я тебя, Ладка, рычи, работа твоя такая.

Вот и счет пошел, щупленький сержант, преисполненный собственной значимостью, как на параде начал выкрикивать: «Первая пятерка... вторая... строй держим, сейчас назад загоню, если собьюсь!» Вот и прошли восемь пятерок и два шныря с ящиком обеденным в придачу. Всего сорок два, значит.

И до делянки быстро дошли, как на заказ — минут сорок, и отряд уже внутри временного ограждения. Двое часовых по углам, один возле ворот, остальные — у костерка, который тут же развели шныри.

Сегодня за вертухая Полищук. Странно, что он, не его смена. Он послезавтра, а сегодня Семенкив должен быть. Ну да нам не все ли равно? Хотя Полищук всяко лучше, этот хоть понапрасну горло не дерет. Видать, с женой у него все хорошо, не надо на эках доказывать, что чего-то стоишь.

Вертухай раздал инструмент — кому пилы, кому топоры. Народ привычный, разобрали свое да разошлись, объяснять не надо, про норму и прочую байду уже давно запомнили, каждый день шесть дней в неделю эту сказку рассказывают.

Только меня старшина тормознул. Гыркнул так, что аж шнырь возле костерка подпрыгнул:

— Громов, останься! Запаски подточись!

Не хрена там точить: на прошлой неделе только все подточил, и топоры, и пилы. И не трогали запаску с тех пор ни разу, не было нужды. Да наше дело маленькое: сказал вертухай, так зэк делает. Захочет, так три раза в день точить будешь.

Сел я, взял оселок, начал топор гладить. Изображать бурную деятельность. А Полицук стоит, самокрутку крутит, на конвой возле костра смотрит. И говорит тихо так, будто себе под нос песенку поет:

— Ты, Сапер, не думай, это не подстава. Я добро помню. Меня бы той миной, что ты из-под ног у меня, считай, вынул, если бы не убило, то покалечило точно. Я за тебя сам каждый день молюсь и семья моя возле меня. Уходить тебе надо. Прямо сейчас. Потрись недалеко, я тебя сейчас озадачу. А как трактор подгонят, я Мыколу отвлеку. Ты тогда ломись на заборчик под правой вышкой, они на обед там всегда часового без смены снимают.

Сижу я и тихо охреневаю. Не было никогда за Полицуком такого, чтобы он зэкам потакал. Лишнего не навесит, но и навстречу не пойдет. А про мину ту я и забыл уже — сколько я их снял и поставил за Войну, не сосчитать. Но старшина, значит, впечатлился тогда. Бывает. Послушаю, что он расскажет. Интересно поет, аж за душу берет.

— А там, Сапер, — продолжает Полицук, — бери правее и ломись прямо. Бежать с километр,

если больше, то не сильно. Дальше болотце будет. Ты его по правому краю обходи, там пройти можно. Увидишь слева островок с кривой сосной — затаись. Вечером сегодня, край — завтра, принесут тебе и одежду, и харчи. Паси, Громов, за трактористом, больше шансов тебе не будет. — И громче, для всех, добавил: — Что ж ты творишь, гад криворукий! Да тебе не то что пилу, жопу подтирать и то не доверишь! Давай, сучьев подтащи, разведи костер мне. А то я тут с вами от сырости околею скоро!

Полищук как с цепи сорвался, придирался к каждой мелочи, заставлял делать то одно, то другое. Так я и крутился неподалеку, ожидая, что будет.

Оно и случилось. Тракторист приехал с обедом вовремя. Пока шныри разгружали обед и выкладывали баранчики из ящика, Полищук и вправду отвел тракториста метров на пятнадцать в сторону, и прямо сейчас они ржали над какой-то шуткой. Старшина посмотрел на меня, мигнул левым глазом и начал рассказывать очередной анекдот.

Тут я и решил — пора. Один хрен от Петлюры никуда не денешься, придется решать, кто живой останется. А сколько самый справедливый суд в мире доведет за убитый кусок говна? То-то и оно. Даже если сейчас с побегом это подстава, то добавят все меньше, чем за убийство. Я быстро

прыгнул в кабину трактора. В секунду снял с ручника, выжал сцепление — и покатили!

Сзади закричал вертухай, к нему присоединился тракторист, сдуру пытающийся бегом догнать свой трактор, зэки вокруг замерли, охреневшие от такой наглости: побег на рывок белым днем — это, конечно, здорово и памятно, только глупо: враз заломают. Но я рулил к заборчику под правой вышкой, сколько там до него, метров сто, не больше. Тракторец бодро подпрыгивал на кочках, а на душе поднялось отчаянное веселье, будто мне все по плечу и будет, как я задумал. Даже успел подумать, что ради такого чувства можно и погибнуть.

Петлюра выскочил как черт из норы. Откуда он только взялся? В руке топор, на роже ухмылка — дождался, значит. Завалит меня, а ему еще и послабление за предотвращение побега нарисуют. Только что-то не так пошло в его уродском счастье — наверное, поскользнулся на сырой траве и, нелепо взмахнув руками, начал заваливаться на бок, задрал в падении ногу, обутую в аккуратно собранный гармошкой кирзач. Ну а я поворачивать не стал. Левое переднее колесо перевалило через его ноги, и мне даже послышался хруст костей и вопль, полный муки. Чепуха, конечно, за шумом тракторного двигателя и выстрел не услышишь, а тут чьи-то ноги. Как проехал задним колесом Петлюру, я, конечно, почувствовал. Не выдержал, оглянулся — успеваю, далеко отъехал. Включил заднюю и прокатился по гниде еще раз взад и вперед. Мальчишество, конечно, но очень уж допек он меня.